

Такие достижения, безусловно, позволяют назвать Шэнь Цзинью молодым и преуспевающим, что, впрочем, сделало его изрядно высокомерным. Однако в сознании Ноэля такого человека просто не существовало.

За исключением того случая, когда дядя Чан Лэ, Чан Яо, вышел на связь с предложением о сотрудничестве, из-за чего Ноэлю по личным причинам пришлось встретиться с ним и обсудить детали, большую часть вопросов по проектам он перепоручал подчиненным. В конце концов, корпорация Ноа разрослась до таких масштабов, что ее главе невозможно было вникать во все мелочи. К тому же, содержать столько людей, чтобы они бездельничали, было бы глупо — разумеется, каждый должен был приносить пользу. Поэтому о Шэнь Цзинью, возглавлявшем лишь локально известную компанию, у Ноэля не сложилось ровным счетом никакого впечатления. Человек, который даже не следил за делами корпорации Шэнь, вряд ли мог знать, кто ею управляет. Подобную информацию обычно собирали ассистенты. Если бы помощник Ноэля был рядом, он, возможно, узнал бы Шэнь Цзинью и подсказал, кто это такой, но сейчас у Ноэля было личное время.

Сегодня он твердо решил наладить отношения с Чан Лэ, поэтому не стал брать с собой ассистента и не обращал внимания на светские разговоры окружающих. Передав официанту тщательно выбранный подарок, Ноэль дожидался Чан Лэ в углу приемного зала. Когда ему наконец удалось поймать того наедине и ситуация начала меняться в лучшую сторону, их прервали.

Ноэля крайне раздражало появление Шэнь Цзинью. Он считал досадным, что столь важный момент был нарушен какой-то нелепой ссорой, особенно учитывая, что отношение Чан Лэ к нему явно стало мягче. В повисшей тишине смешались шок и смущение Чан Лэ, недовольство Ноэля и странное раздражение Шэнь Цзинью, который почувствовал себя проигнорированным.

Наконец Шэнь Цзинью не выдержал и нарушил неловкое молчание:

— Глава такой огромной корпорации — и любит подслушивать чужие разговоры? Это просто поразительно. Неужели вам не стыдно заниматься подобными вещами тайком?

Чан Лэ не понимал, откуда у этого человека столько враждебности, но в глубине души он уже записал Ноэля в свой круг общения. Сам он мог говорить что угодно, но другим обижать его было нельзя.

Чан Лэ ответил язвительно:

— Смешно слышать. Мы тут обсуждали дела, а вы вломились к нам со своим шумом и гамом. Я еще не успел сказать о вашем бестактном поведении, а вы уже начали на нас нападать. Интересно, если бы люди узнали, как вы унижаетесь перед женщиной, они бы расхохотались? Впрочем, я бы не стал. Мы стоим здесь уже довольно долго, а вы даже не заметили двух живых людей. Это доказывает, что я отлично сдерживался, чтобы не рассмеяться и не прервать ту чушь, которую вы несли.

Чан Лэ выпалил это без запинки, его боевой дух был настолько силен, что оппонент не смог выдавить из себя ни слова.

— Что молчишь? Неужели попал в точку? Вижу, как ты покраснел, что, дар речи потерял? Искать повод для ссоры — не лучшее занятие, сегодня хороший день, так что я не буду слишком жесток, чтобы тебя не хватило удар, а то люди еще подумают, что наша семья Чан кого-то обижает. Все, уходи, не маши тут руками перед моим лицом, глаза мозолишь.

Махнув рукой, Чан Лэ оттеснил преграждавшего путь человека и, потянув Ноэля за собой, вернулся в зал. Шэнь Цзинью остался стоять в одиночестве, выплескивая бесполезный гнев на пустоту — то, что называют бессильной яростью.

Вернувшись в зал, Чан Лэ усадил Ноэля в углу и наказал никуда не уходить. Их разговор еще не был окончен, и он не мог позволить ему исчезнуть. После этого Чан Лэ добавил, что банкет скоро начнется и ему нужно присоединиться к семье, чтобы сопровождать дедушку. Ноэль, наблюдая за тем, как Чан Лэ торопливо объясняет свои планы, с улыбкой согласился, пообещав сидеть смирно и никуда не отлучаться.

Получив согласие, Чан Лэ отправился к родителям и дяде. Ноэль смотрел, как он растворяется в толпе, как встает рядом с родными. Чан Лэ улыбался — искренне и с легким озорством, — и люди вокруг него начинали смеяться. В глазах Ноэля Чан Лэ всегда сиял. Даже когда вокруг сновали люди, взгляд Ноэля следовал только за ним, за тем единственным светом, что был для него важнее всего.

Чан Лэ молча подошел к семье, дернул Чан Сяо за рукав и указал на часы, давая понять, что пора. Чан Сяо извинился перед гостями и вместе с Чан Лэ направился в комнату отдыха.

По дороге Чан Сяо подшутил над сыном:

— Куда это ты запропастился, что тебя так долго не было видно?

Чан Лэ отмахнулся:

— Никуда я не пропадал. Ноэль пригласил меня поболтать, я посмотрел на время и сразу вернулся.

Чан Сяо прищурился, обнял Чан Лэ за плечи и протянул с явным интересом:

— Ну и как, у вас там что-то намечается?

Чан Лэ покраснел и поспешно ответил:

— Еще ничего не решено, мам, не выдумывай.

Чан Сяо всё понял:

— Значит, скоро будет. Судя по твоему тону, вы как раз об этом и говорили. Редко увидишь у тебя такой вид, будто тебя раскусили.

Чан Сяо потрепала его по голове:

— Ладно, не буду больше спрашивать. Если кто обидит — говори нам с папой, а с остальным разбирайтесь сами, вы же молодые.

Зайдя в комнату отдыха, Чан Лэ потер щеки, чтобы сбить с них жар, и вошел следом. Они вместе пригласили дедушку, и вся семья, включая дальних родственников, съехавшихся на семидесятипятилетие, собралась вместе. После того как Чан Яо произнес краткую речь от имени дедушки, начался банкет.

Зал наполнился звоном бокалов и оживленными беседами. Гости, сияя от радости, погрузились в праздничную атмосферу. Закончив с приветствиями, Чан Лэ наконец нашел предлог, чтобы ускользнуть и вернуться к тому месту, где оставил Ноэля.

Еще не дойдя до угла, он увидел, что вокруг Ноэля собралась небольшая группа людей. Среди них были известные любители светских сплетен, окружившие его плотным кольцом. Нетрудно было догадаться, что их привлек статус Ноэля.

Теперь, когда суэта немного улеглась, Чан Лэ вдруг вспомнил произошедшее и почувствовал странное дежавю. Имя Шэнь Цзинью показалось ему подозрительно знакомым. Он напряг память и наконец вспомнил: в сюжете мира, который ему передал 001, упоминалось это имя. Этот мир был построен по канонам романа, и главного героя звали именно Шэнь Цзинью! А Сяоянь, о которой тот говорил, — это Юань Сяоянь, главная героиня!

Чан Лэ хлопнул себя по лбу, коря за медлительность: человек сам бросился на него, а он даже не сообразил, кто перед ним. Вот уж воистину, мир тесен. Он-то думал, что никак не связан с основным сюжетом, а в итоге, не запомнив имен и лиц, просто взял и высмеял главного героя при первой же встрече. Теперь он окончательно настроил его против себя.

Ну и ладно, будь что будет. В конце концов, он не виноват, что всё так вышло, так что бояться нечего. А откуда Шэнь Цзинью узнал, что Ноэль — глава Ноа, Чан Лэ решил списать на удачу главного героя. В конце концов, это помогло ему узнать личность Ноэля, так что он ничего не терял.

<http://bllate.org/book/22222/2318864>